

ся с другими (арх. *несоветно* ‘несогласно, недружно’), не стремятся прийти к согласию (арх. *несогласно* ‘недружно’, волог. *согласие не взяло* ‘о ссоре, состоянии вражды’).

В пространстве говоров встречаются языковые факты, подвергающиеся **деонимизации**. Так, вероятно, построено нижнепечор. устойчивое сочетание как *Ага и Палага* ‘вести себя недружелюбно по отношению друг к другу’, где второй компонент бинома является деминутивом к личному имени *Пелагея* – *Палага*.

Матвеева Т. В.
профессор

В ОТСУТСТВИЕ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ (на материале речевой тактики заботы)*

Специфика разговорного материала при его культурологическом изучении состоит в том, что в нем достаточно слабо эксплицируются оценки. Это отнюдь не означает, что разговорная речь лишена оценочности, имеется в виду лишь малое количество лексики оценок, как общих (с семантикой “хорошо / плохо”), так и частных (“полезно / вредно”, “красиво / некрасиво” и др.). Несколько употребительнее лексика общих оценок с экспрессивной коннотацией (*отлично, здорово, классно / ужасно, кошмар, бред*) и фразеологизированные реплики-коммуникативы (*Не может быть! Как так? Да что ты!*), оценочный смысл которых передается интонационно.

На основе опыта речевого пользования можно утверждать, что оценочное отношение, направленное на предмет разговора или на собеседника (реже – на третье лицо), может быть выражено и без экспликации оценки. Средством выражения оценки способен выступать сам речевой поступок. Иногда коммуникативный поступок вообще не вербализуется (подвинуться на скамейке или снять с нее свои вещи, уступив место стоящему рядом; поднять упавшую вещь и отдать ее уронившему и т.п.), но часто собственно поступок или коммуникативное намерение сопровождается высказыванием (*Давайте пальто, я повешу* – говорит хозяин дома гостю; *Ужинать сейчас будем?* – спрашивает жена пришедшего с работы мужа). Так осуществляется речевая тактика заботы, позитивно-оценочная тактика, хотя лексики положительной оценки здесь нет. Поставим задачу осмыслить ход лингвокультурологического анализа в данной речевой ситуации.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18–012–00382 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

Первое, на что может опереться исследователь, – это речевой опыт носителей языка. Многократное повторение бытовых ситуаций, «обкатка» их речевого сопровождения приводят к стереотипности непринужденного речевого общения. Носитель родной речи вправе выделять стандартные микроситуации общения и соответствующие им стереотипы на основании собственной интуиции, языкового чутья, что никогда не отрицалось в лингвистике как возможный инструмент исследования. Однако ограничиваться этим инструментом нельзя, нужно искать и более точные способы выявления предмета, интересующего наблюдателя.

Обратим внимание на структуру коммуникации, характерную для оценочных высказываний, не имеющих оценочных экспликаторов. Квалификационно-оценочная структура включает в себя три элемента: объект квалификации, основание квалификации и собственно квалификацию [Вольф 1978: 35–70]. Объектом квалификации могут выступать любые предметные (в широком смысле) явления. Они неоднородны, объектом оценки могут выступать, во-первых, единицы и фрагменты реальности, во-вторых, собеседники, в-третьих, сам говорящий (в последнем случае оценка становится самооценкой). Применительно к ситуации речевого взаимодействия можно выделить два плана: денотативный, или конкретно-предметный, соответствующий первому объекту оценочной квалификации, и коммуникативный, соответствующий двум другим объектам.

Интересующий нас материал характеризуется отчетливой выраженностью денотативного плана. Реплики, которые мы интуитивно относим к оценочным, имеют в своем составе конкретно-предметную лексику: *пальто, повесить, ужинать* (из приведенных выше реплик); *Папе куртку отнеси; Чаю хочешь?; Я тебе хлеба купила и кефир*. Отметим правомерность опоры на данный тип лексики, хотя возникает она по требованиям текущего момента, сугубо фрагментарно и тематического развертывания конкретно-предметная лексическая единица не получает. Здесь мы как бы оперируем не столько словом, сколько самим содержанием. Однако у Ю. Лотмана читаем: «Любая реальность, вовлекаемая в сферу культуры, начинает функционировать как знаковая» [Лотман 1993: 343]. В нашем материале применяется сугубо бытовая конкретная лексика (из тематических групп «еда», «одежда», «предметы обихода», «распорядок дня» и под.). Действия выражающего заботу человека о близких в узком кругу личного общения, как правило, связаны с оперированием исключительно бытовыми предметами и представлениями.

Однако этот лексикон всегда увязан с личностью собеседника или третьего лица, близкого говорящему. Пальто принадлежит гостю, куртка – папе, хлеб и кефир покупается, а чай предлагается для собеседника, ужинать предлагается

совместно с ним и т.п. В этом и можно усмотреть внешний признак таких высказываний. При этом объединение предметного плана с коммуникативным выглядит следующим образом: говорящий оперирует предметами или совершает предметные действия, связанные с интересами собеседника, речевые действия говорящего направлены на соблюдение этих интересов. Более того, говорящий даже несколько опережает развитие ситуации, предвосхищая желания и потребности собеседника (или третьего лица). Он действует в пользу другого (гость обласкан вниманием, для мужа готов ужин, папа получит куртку, подружка выпьет чаю, мама теперь с хлебом и кефиром). Если же это невозможно, то в высказывании обязательно присутствует контекстное смягчение: *Подождать немножко можешь?* Вероятно, поэтому отрицательный вербальный отклик на такой речевой поступок заботы выглядит грубостью, в норме же – согласие или, в крайнем случае, неопределенный ответ или коммуникативно значимое молчание.

Отдельно отметим значимость модальной лексики, опять-таки связанной с интересами адресата говорящего. Наиболее активны здесь глаголы *хотеть*, *мочь* и *быть* в специфически разговорном значении, развившемся на эллиптической основе (**Быть** <...> 6. *что* и *чего*. О согласии, желании что-н. есть, пить [ТСРЯ: 70]): *Борща хочешь?*; *Ты кофе будешь или чай?*

Разумеется, рассмотренный материал отражает лишь определенный участок речевой реальности, связанной с выражением заботы, однако он отличается внутренней целостностью, в нем просматривается определенная речевая технология. Возможно, этот материал интересен для наблюдений в области личностной типологии. Во всяком случае, личность комформного типа определенно связана с активным использованием выделенных нами «реплик предупредительности».

Дополнительно отметим, что установление прагматического наполнения подчеркнуто бытовой реплики не всегда возможно в рамках минимального диалогического единства, отражающего микроситуацию. Иногда требуется обзор речевой партии коммуниканта или даже взгляд на речевую партитуру разговорного диалога в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. М. : Наука, 1978. 200 с.
2. Лотман Ю. М. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. Т 3. Таллинн: «Александра», 1993. С. 326–344.
3. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : «Азбуковник», 2008.